

Геннадий Николаев

Субстантивное словообразование в "Слове о полку Игореве"

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 1, 125-134

2003

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

*Геннадий Николаев**

**СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ**

Несмотря на огромную исследовательскую литературу по *Слову о полку Игореве*, нет пока ни одной работы, в которой специально рассматривались бы формы словообразования в языке поэмы. А между тем словообразование, как и синтаксис, относятся к тем языковым сферам, которые, в отличие, например, от фонетики, морфологии и даже лексики, меньше всего подвержены изменениям при переписывании древнерусского поэтического текста в более поздние времена. Конечно, словообразование является одним из главных источников обогащения языка синонимическими и вариативными формами. Именно поэтому словообразование служит одним из основных факторов стилистической организации текста. Однако в художественном, а особенно поэтическом тексте, характеризующемся не только жесткой внутритекстовой мотивированностью языковых единиц, но и определенной ритмико-интонационной организацией, замена одного производного слова другим, а тем более производного на непроизводное или наоборот, в значительной степени исключена. Поэтому производные слова, отмеченные в *Слове о полку Игореве*, можно с полным основанием рассматривать как слова, вошедшие в текст поэмы при ее создании.

В связи с этим вызывает некоторое недоумение недостаточное использование лексических фактов *Слова...* в работах по древнерусскому языку того периода. Они не отражены даже в *Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.* Видимо, здесь имеют место два соображения: во-первых, *Слово...* как произведение XII в. обнаружено в списке XVI в., и ученые не могут до конца определиться с хронологией языкового материала поэмы; во-вторых, некоторые ученые не могут решиться на привлечение материала *Слова...* в своих работах после известных дискуссий о подлинности поэмы.

* Казанский университет.

Дискуссии о подлинности *Слова о полку Игореве* как памятника XII в. менее всего могут тревожить историка языка, понимающего, что язык XII в. был качественно иным, чем, скажем, язык XVI в., которым датируется открытый список поэмы (к сожалению, погибший в 1812 г.). Речь здесь идет, конечно, не о хронологических моментах. Дело в том, что древнерусский язык XII в. отражал совсем другое языковое мышление, заключающееся прежде всего в развитом синкретизме языковых форм, особенно показательно проявлявшемся в сакральных и поэтических текстах, в частности, в связи с соединением в этих произведениях реального и сакрального (поэтического) мира, обусловившем совмещение реального и приращенного значений слов.

Сравнение языка двух произведений древнерусской литературы, имеющих много текстовых совпадений, *Слова о полку Игореве* и *Задонщины*, четко показывает, что первое было создано в эпоху семантического синкретизма (на рубеже XII–XIII вв.), а второе – в период разрушения синкретизма (на рубеже XIV–XV вв.). Этим, в частности, объясняются те языковые нелепицы в *Задонщине*, которые представляют попытки писателя XIV в. объяснить уже непонятные для него синкретические формы языка *Слова...*, безусловно, лежащего в основе текста *Задонщины*¹. Я уж не говорю о фактах фоностилистики, открытых, в частности, поэтом А. Черновым, которые имеют смысл только в том случае, если учитывать их звуковую оформленность по фонетическим законам XII в., а не позднейших времен (Чернов 1986: 272).

Кстати, нужно признать большую роль современных поэтов в интерпретации, иногда более удачной, чем научные интерпретации, отдельных текстовых фрагментов *Слова о полку Игореве*. Синкретизм слова, сохранившийся в поэтическом языке до наших дней, явился основой адекватного понимания поэтами древнерусской поэзии: современные поэты понимают эти формы сердцем, а не умом. Можно сослаться здесь на толкование известного „темного” места Слова: *Коли сокол в мытєх бывает*, нашедшего приемлемое объяснение в переводах Н. Заболоцкого (*Хотя сокол и линяет*, вместо традиционного *Когда сокол линяет*), совпавшее с научным объяснением В. М. Маркова².

¹ Так, например, формула Слова ‘*синие молнии*’ превращается в *Задонщине* в ‘*сильные молнии*’, поскольку писателю конца XIV в. был уже неясен смысл синкретичного древнего слова *синий*, т.е. ‘синий, сверкающий, яркий’. Кстати, на фреске „Всемирный потоп” Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря XII в. в Пскове сверкающие молнии переданы синим цветом, что, безусловно, подтверждает, что эти фрески ровесники *Слову о полку Игореве*. Ср. также: Мурьянов (1971: 23–28).

² См.: Марков (1963). Приведем здесь древний текст: „Коли соколъ въ мытєхъ бываєтъ, высоко птиць възбиваєтъ; не дасть гнѣзда своего въ обиду” – и его перевод Н. Заболоцким: „Старый сокол, хоть и слаб он с виду, Высоко заставит птиц лететь, Никому не даст гнезда в обиду”.

Все сказанное позволяет рассматривать формы словообразования, отраженные в языке *Слова о полку Игореве*, как в значительной степени относящиеся к языку того периода, когда создавалась письменная версия древнерусской поэмы, т.е. к концу XII в., и окончательно отказаться от сомнений в подлинности поэмы.

Исследование форм словообразования в языке высокопоэтического произведения, каким является *Слово о полку Игореве*, осложняется еще тем, что в языке таких произведений большое место занимают случаи так называемого *поэтического словообразования* (Гиршман 1972: 37), которое строится на переосмыслении языковой семантики, за счет чего увеличивается число семантически производных форм в противовес морфологически производным формам. Мы не будем специально рассматривать факты поэтического словообразования в *Слове...* (этот вопрос обсуждается обычно при исследовании образной системы древнерусской поэмы), хотя обойти их молчанием тоже не удастся. В нашу задачу входит рассмотрение морфемных дериватов в языке *Слова...*, которые в свою очередь могут тоже использоваться в семантической деривации. Ср., например, такие образования, как *обида* (*въста обида [...] вступила дѢвою*), *пирь* (о войне, битве: *ту пирь докончаша храбрїи Русичи*), *соколецъ* (*а вѢ сокола опутаевѢ красною дѢвицею*), *сѢдина* ‘символ мудрости’ (*се ли створите моеи сребренои сѢдинѢ*), *рѢчь* (*галици свою рѢчь говоряхуть*) и др.

Особенно широко семантическая деривация (и в первую очередь метафоризация) представлена в производных глаголах: *опутати* (*дѢвицею*), *подъперети* (*горы*), *поници* (*веселїе*), *поосътрити* (*сердца*) *посѢяти* (*костьми*), *приломити* (*копие*), *разлиятися* (о тоске) и многие другие.

Приступая к исследованию словообразовательных форм в *Слове о полку Игореве*, мы должны разграничить общее количество производных и непроизводных лексем в поэме и общее количество употреблений тех и других в ее языке. Наблюдается интересная картина. Словарь В. Л. Винградовой фиксирует всего 976 слов в лексическом составе поэмы. Из них – 642 производных слова и 334 непроизводных, т.е. первых в два раза больше, чем вторых. Когда же мы обращаемся к учету всех словоупотреблений, то получается совершенно противоположная картина: непроизводные слова употреблены в поэме 1784 раза, производные – 979 раз, т.е. общее количество употребленных производных слов почти в два раза меньше, чем непроизводных.

Аналогичные пропорции характерны и для других художественных текстов как древнерусской литературы, так и литературы более поздних эпох. Как было в свое время показано нами, это соотношение характерно только для художественных текстов. В текстах научных, публицистических, сакральных производных слов больше, и по отношению

к неизменяемым они составляют пропорцию в пределах 2 : 3 (Николаев 1987: 111–112).

Такая специфика языка художественной литературы может быть объяснена возможными расхождениями объективной языковой мотивированности производного слова и тесной внутритекстовой мотивированности слов в художественной речи. В связи с этим писатель при создании художественного произведения подсознательно отдает предпочтение неизменяемым словам (Николаев 1994: 180–181), которые, между прочим, в большей степени, чем производные, подвержены семантической деривации, т.е. метонимической, метафорической переносности, употреблению в составе образных выражений и т.п. Ср. такие слова поэмы, как *волки, воронъ, гнѣздо, градъ, дѣти, звѣри, земля, злато, зоря, Кіевъ, мѣсяць, облако, поле, славій, слеза, снопъ, соколь, соловій, сѣдло, туръ* и др.

Разграничение производных и неизменяемых слов применительно к языку XII в. представляет определенную трудность, поскольку делать это приходится без опоры на языковое чутье в условиях ограниченного контекста. На этом основании к неизменяемым мы относим слова, утратившие ко времени создания поэмы живые словообразовательные связи со своими производящими (поскольку последние или отсутствуют в лексической системе языка того времени, или не могут быть отнесены к мотивирующим), а следовательно, утратившие свою словообразовательную форму и не имеющие никаких других объективных языковых оснований для их словообразовательной членности. Кроме служебных слов, сюда относятся и знаменательные слова типа *море, туча, нѣти, старъ* и т.п. К производным словам, помимо слов, имеющих четкую словообразовательную мотивированность (типа *буеть < буй, замышление < замыслити, лисица < лиса, засапожникъ < сапогъ, щекотъ < щекотати, Ярославна < Ярославъ* и т.п.), мы относим и такие, например, глаголы, которые проявляют свою членность в соотносительной паре с производными на их основе образованиями, в частности, образованиями нулевой суффиксации, или на уровне связанных основ: *глагол-а-ти – глагол-ъ – глагол-ю, на-ча-ти – по-ча-ти* (оба слова есть в поэме), *слав-и-ти – слав-а* и подобные.

Переходя непосредственно к рассмотрению словообразовательных форм в *Слове о полку Игореве*, отметим, что объектом нашего внимания будут производные имена существительные, поскольку именно они играли большую роль в стилистической организации текста. Основным способ их образования – суффиксация. В тексте поэмы используются существительные, образованные по более чем тридцати моделям. При этом регулярными являются модели имен нулевой суффиксации (более 40 образований), имен на *-ие* (15), *-ец* (9), *-ица* (9), *-ич* (7), *-ина* (5), *-ть*

(5) и др. Основное число суффиксальных дериватов образовано по малопродуктивным моделям и представлено одним производным: *пѣ-снѣ* (от *пѣти*), *жи-знѣ* (от *жити*), *вѣ-трѣ* (от *вѣти*), *кож-ухъ* (*кожа*), *да-нѣ* (*дати*), *крил-ьце* (*крило*), *рук-авѣ* (*рука*) и т.п.

Наличие в языке Слова о полку Игореве образований, созданных по древнейшим (уже непродуктивным и нерегулярным) моделям славянского словообразования, в какой-то мере свидетельствует и о времени создания поэмы. Замечено, что хронология древнерусских рукописей связана, например, с количеством в ней имен с суффиксальным *-ть*, словообразовательным типом, весьма продуктивным в древнейший период славянских языков, но постепенно утратившим свою активность еще до распада единого древнерусского языка. В *Слове...* отмечены следующие имена с суффиксом *-ть*: *власть*, *напасть*, *повѣсть*, *чьсть*.

В плане жанрово-стилистическом производные суффиксальные имена, зафиксированные в *Слове о полку Игореве*, должны быть отнесены к именам народно-литературной художественной речи, отраженной в древнем восточнославянском фольклоре, сказаниях древнерусских летописей и т.п. Ср., например, такие слова из поэмы, как *бѣль* (или *бѣль*), встречающееся, кроме СОПИ, в новгородских берестяных грамотах (НБГ), Ипат. л., АЮБ и др.; *болого* – в Новг. I л., Пословицы; *боронь* – Задон., Новг. I л., грамоты; *братие* – ПВЛ, Ипат. л., Пск. л., Онеж. былины, ИМПН и др.; *вечеру* – Арх. былины; *възгратьи* – Г. Злоч., Печер. былины; *възлелѣти* – Задон., Великор. нар. песни; *загородити* – Ипат. л., грамоты, ИПМН; *дѣвка* – грамоты, Новг. I л., АИ, Пов. о Дракуле, Арх. был., Песни Квашн.; *кликъ* – Ипат. л., Задон., Пам. Смут. вр., Арх. былины и др.; *жаль* – ПВЛ, Новг. I л., Девг. д., Кирша Дан., Барсов и др.

Народно-поэтическую окраску несут и образования с суффиксом *-ица*. Если в древнейшее время этот суффикс использовался в славянских языках для дифференциации синкретичных субстантивно-адъективных форм, закрепляя в имени значение субстантива (ср.: *дѣва* – *дѣвица*, *въдова* – *въдовица*, *лиса* – *лисица* и т.п.) – (Николаев 1998: 92–102), то в *Слове о полку Игореве* образования с этим суффиксом несут в себе эмоционально-оценочную коннотацию. В поэме отмечены такие слова на *-ица*, как *галица*, *зегзица*, *дѣвица*, а также *сулица*, *япончица*, в которых просматривается оценочное значение.

Среди производных имен в первую очередь следует отметить образования нулевой суффиксации. Это весьма специфическая группа производных слов. Она отражает наиболее древний тип глагольно-именных и субстантивно-адъективных словообразовательных отношений. Образования нулевой суффиксации относятся в стилистическом аспекте к общезыковым словообразовательным типам. Они встречаются во

всех жанрах древнерусской письменности, в том числе и в книжно-славянской церковной литературе. Но по количественному соотношению их с другими производными словами они наиболее характерны для тех жанров письменности, которые в значительной степени связаны с восточнославянской народно-разговорной языковой стихией. Образования нулевой суффиксации составляют абсолютное большинство производных слов в новгородских берестяных грамотах, *Русской Правде*, судебных русских царей; их много в *Новгородской летописи*, в древнерусских повестях. И в *Слове о полку Игореве* они представляют самую большую группу производных субстантивов.

Категория образований нулевой суффиксации на протяжении истории русского языка активно пополнялась теми древними суффиксальными именами, которые утрачивали связи с производящими глаголами, поскольку эти глаголы, появившиеся в языке по древнейшим непродуктивным моделям, не выдерживали конкуренции с продуктивными синонимичными отыменными глаголами, образовавшимися на базе данных производных субстантивов. В *Слове...* это имена типа *мысль*, *щекоть*, *печаль*³ и т.п.

В группу приглагольных образований нулевой суффиксации входили имена, соотносительные с приставочными и бесприставочными глаголами. Давно уже отмечено, что первые были образованы на базе соответствующих глаголов, а вторые в большинстве сами явились производящими словами для инфинитивных форм. Однако в ходе развития глагольно-именных словообразовательных отношений слова типа *судь*, *рядь*, *громь*, *туга* и т.п. сами попали в зависимость от глаголов, как имена со значением действия, по закону обратной мотивированности слов в словообразовательной цепи (Николаев 1975: 313–318). Тем не менее между этими двумя группами слов существовали известные семантические и жанрово-стилистические отличия: „бесприставочные” образования нулевой суффиксации имели чаще более широкую семантику и чаще встречались в произведениях сакральных и поэтических. В *Слове...* к ним относятся образования *дума* – *думати*, *тѣска* – *тѣсковати*, *печаль* – *печалити(ся)*, *л(ь)жа* – *л(ь)гати*, *трудь* – *трудити(ся)*, *свѣтъ* – *свѣтити*, *слава* – *славити*, *хула* – *хулити*, *хвала* – *хвалити*, *жажда* – *жаждати* и др. Напротив, „приставочные” имена нулевой суффиксации более конкретизированы и „привязаны” к пространственно-временной семантике: *потокъ* – *потечи*, *завтракъ* – *завтракати*, *обѣдъ* – *обѣдати*, *ужинъ* – *ужинати*, *побѣда* – *побѣдити* и некоторые другие. Спецификой языка *Слова...* является то, что в нем используются в основном „бесприставочные” имена, позволяющие

³ Этимологию этих слов см. в этимологических словарях.

в условиях семантического синкретизма оформлять более объемный и содержательно наполненный поэтический образ.

Специфическую группу „бесприставочных” образований нулевой суффиксации в *Слове...* составляют имена, обозначающие тот или иной звук. Они довольно многочисленны в поэме (четвертая часть всех „нулевых” образований) и передают разные звуки, которыми наполнена половецкая степь: *свистъ – свистѢти, громъ – гремѢти, кликъ – кликати, клек(ѣ)тъ – клекотати, щекотъ – щекотати, звонъ – звонити (звенѢти), голось – голосити, гласъ – гласити, тек(ѣ)тъ – текотати*. Определенное звуковое выражение подразумевают и слова *слава, хвала, хула*.

Сопоставление разных групп „бесприставочных” образований нулевой суффиксации в поэме (в частности, слов с широкой отвлеченной семантикой и конкретных звукообозначений) наводит на мысль, что их семантика в значительной степени связана с семантикой соотносительного глагола: с одной стороны, *мыслити, думати, тужити, тѣсковати, печалити(ся), трудити(ся)*, с другой – *свистѢти, щекотати, текѣти, кликати, гремѢти* и т.п. При этом слова той и другой групп умело соединяются в поэме при построении ее образной системы.

Особенностью субстантивов, передающих обозначение того или иного звука, является синкретичное соединение в его семантике значения действия и результата, сохранившееся и в наши дни. Специфика повествования в *Слове...*, акцентирующая звуковосприятие, а не звукопроизводство, выделяет в качестве смысловой доминанты в названиях звуков не акциональную, а конкретизированную семантику.

Обилие звукоизображений дополняется в поэме глаголами, большинство из которых не имеет при себе производных *nomina actionis*: *бrehати, възграяти, въсплескати, втроскотати, въсрожити, въшумѢти, глаголати, говорити, грядати, гремѢти, звенѢти, звонити, кикати, кликати, кликнути, кричатати* и др. Причем нередко глаголы эти участвуют в создании образов на метафорических (в отличие от именных метонимических) переносах: *стязи глаголютъ, крычатъ тѢлѢгы, звенитъ слава, ноць стонуци ему грозою, струны [...] княземъ славу рокотаху, дѢвицы поють, храбрая дружина рыкають, аки туры* и др. Наполненность звуковыми образами, переданными глаголами и приглагольными именами, составляет яркую особенность ткани повествования *Слова о полку Игореве*.

Если значение действия в *Слове о полку Игореве* чаще передается глаголом, а не отглагольным производным именем, то и другие языковые значения, например, значение лица, также могут оформляться не только производными субстантивами. И действительно, в *Слове...* отмечено небольшое число производных имен в этой лексической категории: 7 образований с суффиксом *-ецъ*, столько же имен на *-(ан)инъ*,

8 слов с суффиксом *-ич*, большинство которых составляют патронимические имена собственные (*Игоревичь, Ольговичи* и т.п.). Остальные словообразовательные типы представлены одним-двумя образованиями. Отсутствуют слова с суффиксами *-тель* и *-никъ*. Последнее вообще удивительно, поскольку имена на *-никъ* широко представлены в текстах с преимущественным использованием народно-разговорных языковых средств.

Сравнительно немного в языке поэмы и субстантиватов со значением лица (*старъ, хитръ, гораздъ, поганый*).

Производные имена используются для наименования лиц по месту жительства или по этнической принадлежности (*венедици, русичи, полочанинъ, половчинъ, куряне, нѣмци, половци*), по роду занятий и социальному положению (*бояринъ, господинъ, отць, ратаи, тлъковинъ, христьянинъ, сыновець, хотъ, дѣвица, дѣвка*). Непроизводные имена используются для наименования лица по родственным связям (*братъ, внукъ, сынъ, дѣдъ, дѣти, мати*), по социальному положению (*кощей, чага, человѣкъ, люди, кметъ, вои*), особенно много наименований властителей (*князь, коганъ, король, салтанъ*). Выбор того или иного имени определяется спецификой содержания произведения: те персонажи, которые являются участниками событий, описанных в *Слове о полку Игореве*, не имеют в языке в большинстве своем мотивированных номинаций. Неудивительно поэтому широкое употребление семантических дериватов в значении лица, таких, как *воронъ, волкъ, соколь* и т.п. (см. выше), более соответствующих той языковой картине мира, которую мы находим в тексте поэмы.

Спецификой содержания поэмы обусловлено и незначительное количество слов с отвлеченной семантикой (*замышление, мысль, буеть, буйство, мужество, крѣпость, жалость, жалоба [жалоца], жизнь, животъ* и некоторые другие). Образования нулевой суффиксации выступают здесь в основном в конкретизированных значениях (в частности, как обозначения того или иного звука), имена с суффиксом *-ие* чаще имеют собирательную семантику (*дубие, листвие, стружие, трупие, узорочье* и др.). Своего рода знаковым является слово [*жалоца, (щи)*] подчеркивающее южнорусское происхождение поэмы, так как суффикс *-оци (-оца)* является принадлежностью тех диалектов древнерусского языка, на базе которых формировался украинский язык.

Близость языка *Слова о полку Игореве* к народно-поэтическому языку раскрывается в формах конфиксального словообразования, отраженных в тексте поэмы: *зарание, засапожникъ, Поморие, Посулие*. Небольшое число таких слов не должно смущать нас, так как активизация конфиксального словообразования произойдет в период распада синкретизма в языке, при этом бурный рост конфиксальных структур

будет характерен именно для народно-разговорной разновидности языка (например, в новгородских берестяных грамотах) (Николаев 1991: 159–161).

Обычно исследования по словообразованию в языке конкретного источника начинается с рассмотрения слов, отмеченных только в данном памятнике вообще или впервые. Мы же закончим свои заметки разговором о так называемых гапаксах *Слова*... Речь здесь пойдет не о таких словах, значение и мотивированность которых неизвестна (например: *орьтъма, шельбиры, шерешеры, хинова* и т.п.), а о словах производных, с четкой словообразовательной структурой: *вЪтрило, вечеру, вЪтроскотати, грязивый, засапожьникъ, дорискати, зарание, зегзица, клек(ъ)тъ, крыльце, полозие, припЪвька, соколичь, уЪдие, хоть* и др. Некоторые из этих слов отмечены только в *Слове о полку Игореве*, другие известны по памятникам XVI–XVII вв. И это могло бы послужить лишним „аргументом” сторонников скептического отношения к поэме. Контраргументом этому послужат следующие соображения: во-первых, недостаточно изучено историческое словообразование на уровне состава конкретных словообразовательных типов и отражения словообразовательных форм в конкретных памятниках языка; во-вторых, большинство этих слов известно русскому фольклору, имеющему древние корни, и диалектам; в-третьих, они встречены в тексте высокохудожественной поэмы, представляя ее поэтическую лексику, которая могла встретиться в другом художественном тексте, по своим достоинствам приближающемся к *Слову о полку Игореве*. В любом случае ни одно из этих слов не противоречит тем словообразовательным закономерностям, которые действовали в языке XII в., когда создавалась эта гениальная поэма⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. Л. (1965), *Словарь-справочник „Слова о полку Игореве”*, Москва-Ленинград.
- Гиришман М. М. (1972), *Слово в поэтическом контексте*, [в:] *Вопросы теории и истории русского словообразования: Краткое содержание докладов второй межвузовской конференции по словообразованию*, Казань.
- Мурьянов М. Ф. (1971), *Синие молнии*, [в:] *Поэтика и стилистика русской литературы*, Ленинград.
- Марков В. М. (1963), *Еще раз о „соколе в мьтех”*, [в:] *Доклад на 5-й межвузовской конференции Казанского зонального объединения кафедр русского языка* [рукопись], Ижевск.

⁴ Сокращения источников даны по изданию: Виноградова (1965: 185–199).

- Николаев Г. А.** (1975), *Обратная соотношенность и обратное словообразование*, [в:] *Актуальные проблемы русского словообразования: Ученые записки Ташкентского пед-ин-та*, т. 143, ч. 1, Ташкент.
- Николаев Г. А.** (1987), *Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы*, Казань.
- Николаев Г. А.** (1991), *Формы именного словообразования в языке XII века*, [в:] *Древнерусский язык домонгольской поры: Межвузовский сборник*, Ленинград.
- Николаев Г. А.** (1994), *Очерки по историческому словообразованию русского языка*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XXI, Frankfurt am Main, u. al.
- Николаев Г. А.** (1998), *Проблемы исторической семасиологии русского языка*, [в:] *Ученые записки Казанского государственного университета: Языковая семантика и образ мира (200-летию Казанского университета посвящается)*, т. 135, Казань.
- Чернов А.** (1986), *Поэтическая полисемия и сфрагида автора в „Слове о полку Игореве“*, [в:] *Исследования „Слова о полку Игореве“*, Ленинград.

Gennadij Nikolaev

SUBSTANTIVWORTBILDUNG IM IGORLIED

(Z u s a m m e n f a s s u n g)

Objekt der Untersuchung ist abgeleitete Substantive, die eine große Rolle bei der stilistischen Textgestaltung spielen. Die abgeleiteten Substantive des Igorlieds, die meistens der volksliterarischen Sprache angehören, geben die für das Altrussische des 12. Jahrhunderts kennzeichnenden Gesetzmäßigkeiten wieder.